

ДОСААФ

или Как мы всей кухней
прыгнули с парашютом

★ Сергей Диковинный ★

Сергей Диковинный ДОСААФ, или Как мы всей кухней прыгнули с парашютом

<https://litres.ru/74566354>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятеро студентов узнают, что такое ДОСААФ. Парашютные вышки. Мотоциклы. Трёхлинейка. Всё — массово, бесплатно, для всех. Лёха, разумеется, не удерживается и жмёт кнопку.

Так они попадают в 1936 год — год советского пин-апа, где молодёжь улыбается с трибун, инструкторы терпеливы, а Кот-мореход впервые в жизни говорит: «Я против». Ему предстоит прыгнуть с вышки, сесть в мотоциклетную коляску и выбить десятку из винтовки Мосина. Против собственной воли. И с большим достоинством.

Новелла о том, как один день в чужом году отвечает на вопрос, почему «раньше всё было интересно» — и почему это не только ностальгия.

Содержание

Глава 1. «А что такое ДОСААФ?» — спросил Лёха,и все пожалели	5
Глава 2. Парашютная вышка, или Котом внизне смотрят	9
Глава 3. Мотоциклы, или Ретро — это какпривет из прошлого, только с бензином	13
Глава 4. Трёхлинейка, или Тир, в которомдаже Кот нашёл себя	16
Глава 5. «Как раньше всё было интересно»,или Прощание со страной, которой уже нет	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

ДОСААФ, или Как мы всей кухней прыгнули с парашютом

Глава 1. «А что такое ДОСААФ?»
— спросил Лёха, и все пожалели

Начинается всё, разумеется, дома. Макс — тот самый Максим, который в прошлый раз просчитал отход и оказался прав, — теперь сидит за столом, листает что-то в телефоне и вдруг говорит:

— Слушайте. Вот тут написано: ДОСААФ. Одна из ключевых задач — подготовка граждан по военно-учётным специальностям. Водители, радисты, парашютисты. И ещё спортивные дисциплины: самолётный, вертолётный, парашютный, мотоциклетный, водно-моторный, подводный, радиоспорт, пулевая стрельба.

Он поднимает глаза.

— Парашютный. Мотоциклетный. Стрелковый. Вот бы попрыгать. И пострелять. И мотоцикл научиться водить.

Алиса тут же садится рядом и заглядывает в экран.

— А это что за плакаты? Девушка в шлеме, с парашютом за спиной, улыбается так, будто ей за это платят.

— Это, — говорит Егор, уже радостно открывая рот, — советский плакат. Тридцатые годы. ОСОАВИАХИМ, потом ДОСААФ. «Молодёжь — на самолёты!», «Комсомолец, на трактор!», «Учись стрелять из винтовки!». Военно-прикладные виды спорта. Массово. Бесплатно. Для всех.

— Бесплатно? — переспрашивает Соня, отрываясь от ноутбука.

— Бесплатно, — подтверждает Егор. — И массово. Парашютные вышки по всей стране. Аэроклубы. Тир в каждом

райцентре. Мотоциклы, самолёты, радиостанции.

Соня смотрит на него долгим взглядом.

— Егор, — говорит она, — ты понимаешь, что ты сейчас сделал?

— Что?

— Ты произнёс вслух слова «парашютные вышки» и «бесплатно» в одной фразе.

Лёха уже стоит возле кнопки.

Кнопка, надо сказать, слегка оправилась после прошлого раза — скотч подклеили свежий, надпись «НЕ НАЖИМАТЬ» обвели красным маркером. Но кнопка была обречена с самого начала, потому что Лёха уже слышал слово «парашют».

— Лёха, — говорит Соня предупреждающе.

— Лёха, — говорит Алиса заинтересованно.

— Лёха, — говорит Егор, — вообще-то, если мы хотим в тридцать шестой, то это как раз пик ОСОАВИАХИМа, но надо учесть, что там...

Лёха нажимает.

Кнопка отзывается — на этот раз — звонким, чуть металлическим, как удар по рельсу, «дзинь». И кухни не становится.

Становится плакат.

Буквально. Перед ними — небо, солнце, зелёное поле и трибуна с красным полотнищем. А вокруг — люди. Много людей. Молодых. Счастливых. В спортивных костюмах, с па-

рашютами за спиной, с винтовками через плечо, с мотоциклами под рукой. У всех — значки на груди и улыбки до ушей.

Прямо перед ними стоит девушка — в шлеме, с парашютным ранцем, в комбинезоне, и улыбается так широко и искренне, что даже Кот на секунду прищуривается.

— Это, — говорит Егор благоговейно, — советский пинап. Только про спорт.

Девушка, услышав это, оборачивается — и говорит, как будто они знакомы сто лет:

— Новенькие? На парашют? Тогда — на вышку, там очередь. На стрельбище — после обеда. Мотоциклы — вон там, за ангаром. Только не бегите, у нас всё по расписанию.

Соня закрывает лицо руками.

Кот-мореход, впервые за всё время путешествий, разворачивается спиной к происходящему и говорит ровно одну фразу:

— Я против.

Все оборачиваются.

— Против чего? — спрашивает Алиса.

— Против всего, — говорит Кот. — Против высоты. Против мотоциклов. Против того, что мне это нравится.

— Тебе уже нравится? — удивляется Лёха.

— Мне не нравится, — отрезает Кот, — что мне *уж* не нравится. Это тревожный симптом.

Глава 2. Парашютная вышка, или Котом внизне смотрят

Парашютная вышка — это, надо сказать, отдельное удо-

вольствие. Высокая, деревянная, с площадкой на самом вер-ху, с лебёдкой и с инструктором, который, судя по выраже-нию лица, видел в жизни всё и прыгал со всего, что летает.

Алиса взлетает по лестнице первой. За ней — Лёха, ко-торый до последнего момента уточнял у Сони, «а это точно безопасно», и получал в ответ исчерпывающее «ты сам на-жал кнопку».

Соня поднимается третьей — с таким лицом, будто идёт на собеседование, а не на прыжок.

Макс — четвёртым. Он сначала долго изучает конструк-цию вышки, потом — инструкцию, потом — инструктора, потом — запасной парашют. И только потом — всё-таки ре-шается.

Егор остаётся на земле — уточнять у инструктора техни-ческие параметры, историю вышки, год постройки и вообще, «а было ли это в сорок первом или это гражданская версия».

Кот сидит у основания вышки. И не поднимается.

— Кот, — зовёт его Алиса сверху. — Ну?

— Я пас, — говорит Кот спокойно.

— Ты же моряк!

— Я *кот-мореход*, — поправляет Кот. — Это две разные профессии. Моряки прыгают с парашютом. Коты смотрят, как это делают моряки. Это у нас исторически сложившееся разделение труда.

— Трус.

— Наблюдатель, — отвечает Кот с достоинством. — И я

не собираюсь менять эту позицию.

Лёха прыгает первым. Приземляется — на ноги, как ни странно, — и орёт от восторга так, что с соседнего поля вспархивают птицы.

Алиса прыгает второй — с визгом, но счастливым.

Соня прыгает третьей — молча, сжав зубы, и только на земле говорит: «Ещё раз. Обязательно.»

Макс прыгает четвёртым — технично, с расчётом, и приземляется точно в центр мишени. Он выглядит довольным собой, но не подаёт вида.

Кот наблюдает. Смотрит. Молчит.

И только когда все уже собрались вокруг и начали обсуждать ощущения — Кот встаёт, подходит к лестнице, оборачивается к ним и говорит ровно:

— Ладно. Один раз. Но если кто-нибудь об этом узнает — я буду всё отрицать.

Минутой позже он стоит на площадке на самом верху, хвост вертикально, на морде — крайняя степень смирения с неизбежным. Инструктор прикрепляет его — аккуратно, чинно, с уважением к хвостатым участникам.

— Смотри вниз, — говорит инструктор.

— Не буду, — говорит Кот.

— Почему?

— Потому что я буду *прыгать*. А не *смотреть*.

Он прыгает. Летит. Приземляется — на мягкую траву, на четыре лапы, с видом человека, который побывал в аду и об-

ратно.

И потом, отряхиваясь, произносит единственную фразу:
— Больше. Никогда.

Соня, которая видела всё это, что-то тихо уточняет — но так, чтобы Кот не слышал.

В её блокноте остаётся запись: «Кот-мореход, прыжок с вышки, 1936 год. Требуется повторить.»

Глава 3. Мотоциклы, или Ретро — это как привет из прошлого, только с бензином

Мотоциклы в тридцать шестом году — это не то, что вы думаете. Это не японский спортбайк и не современный «Урал». Это что-то большое, блестящее, с широким рулём, с кожаным сиденьем, с одной фарой, которая выглядит так, будто освещает не дорогу, а саму историю.

— Это, — говорит Егор с восхищением, — Л-300. Или что-то похожее. В тридцать шестом ещё были разные модели, но суть одна: тяжёлый, надёжный, простой. Учили водить в ДОСААФ массово.

— Просто? — уточняет Лёха, уже сидя за рулём. — А почему руль такой... нестандартный?

— Потому что стандарт — это то, что *мы* сейчас называем стандартом, — объясняет Егор. — А тогда стандарт был такой. Держи ровно, не газуй, слушай инструктора.

Инструктор — молодой парень лет двадцати, в кожаной куртке, с улыбкой человека, который в курсе, что сейчас произойдёт, — садится позади Лёхи.

— Поехали, — говорит он.

И они едут.

Лёха орёт от восторга, инструктор смеётся, поле проносится мимо, пыль встаёт столбом, а с трибуны машут флажками. Через минуту их сменяет Алиса — и она, что удивительно, держит руль так, будто делала это всю жизнь. Потом Соня — аккуратно, медленно, без резких движений. Потом Макс — с таким расчётом, будто он не катается, а сдаёт эк-

замен на права.

Потом наступает очередь Кота.

Кот сидит в коляске. Он не спорит. Он не отказывается. Он просто сидит — с таким видом, будто его сюда привели насильно, но он *вынужден* сохранять лицо.

— Кот, — говорит Лёха, — как тебе?

— Это, — отвечает Кот, — оскорбительно.

— Что именно?

— Что это *работает*. Я не хочу, чтобы мне это нравилось.

Они едут. Кот держится за край коляски, ветер развевает его тельняшку, на морде — выражение глубочайшего внутреннего конфликта между достоинством и восторгом.

Через круг он говорит:

— Ладно. Ещё раз. Но последний.

И — по секрету — этот «последний раз» длится ещё полчаса.

Вечером они сидят у ангара, уставшие, счастливые, все в пыли. Кот рядом с ними — тельняшка испачкана, усы в бензине, взгляд равнодушный, но в глазах всё-таки блеск.

— Не смотрите на меня так, — говорит он. — Это была тренировка наблюдательности.

— Наблюдательности? — переспрашивает Алиса.

— Я наблюдал, — говорит Кот, — как *не надоездить*. Для науки.

— Ты ездил с ветерком, — возражает Лёха.

— Для. Науки.

Глава 4. Трёхлинейка, или Тир, в которомдаже Кот нашёл себя

Тир в тридцать шестом — это не современная площад-

ка со наушниками и инструктажем по технике безопасности. Это длинное деревянное здание, мишени в конце, запах пороха, гул выстрелов и очередь из молодых людей, которые *очень* хотят попасть с первого раза.

— Это, — говорит Егор, — винтовка Мосина. Трёхлинейка. Образца тысяча восемьсот девяносто первого года. Стоит на вооружении с тех самых пор и ещё долго будет стоять. Калибр — семь шестьдесят два. Магазин на пять патронов. Скорострельность — десять-двенадцать выстрелов в минуту.

— То есть, — говорит Соня, — это то, из чего мы будем стрелять?

— Это то, — уточняет Егор, — из чего стреляли *все*. От стрелка-любителя до фронта. И, кстати, стрельба — одна из ключевых дисциплин ДОСААФ. «Ворошиловский стрелок» — помнишь такой значок?

— Помню, — говорит Алиса. — У бабушки был.

— Вот.

Инструктор — женщина в гимнастёрке, лет тридцати, со спокойным, чуть насмешливым взглядом, — распределяет их по позициям.

Лёха первый встаёт к винтовке. Долго целится. Стреляет. Промахивается.

— Нормально, — говорит инструктор. — Ещё раз.

Он стреляет ещё. Ещё. Ещё. И только с четвёртого раза попадает в мишень — но попадает в «девятку» и очень этим

гордится.

Алиса стреляет лучше — с третьего раза ложится в «восьмёрку», со второго — в «десятку», и инструктор говорит ей одобрительно что-то такое, отчего Алиса расцветает во все свои девятнадцать.

Соня стреляет медленно, аккуратно, каждый выстрел — как будто пишет абзац. Попадает ровно, стабильно, без рекордов, но и без промахов.

Макс стреляет технично — по траектории, по ветру, по расчёту. Инструктор смотрит на него внимательно и говорит: — Из тебя бы вышел хороший инструктор.

Макс отвечает коротко:

— Я знаю.

Егор стреляет вдумчиво, но много говорит — и инструктор дважды делает ему замечание. Тем не менее к концу попадает три раза подряд и ужасно собой доволен.

Потом наступает очередь Кота.

Кот на стрельбище — это зрелище. На морде — полная невозмутимость. Он сидит на специальной подставке (инструктор поставила — с уважением к просьбе). Лапа на спусковом крючке — с осторожностью, но твёрдо.

— Ты уверен? — спрашивает Алиса.

— Я всегда уверен, — отвечает Кот. — Даже когда это ошибка.

Он стреляет.

Мишень в конце тира — десять. Один выстрел. Одна де-

сятка.

Инструктор смотрит на мишень, потом на Кота, потом опять на мишень.

— Это, — говорит она, — вообще-то, странно.

— Это, — отвечает Кот, — коты. Мы стреляем редко, но метко.

— Он даже не смотрел в мишень, — шепчет Лёха.

— Он смотрел, — говорит Макс. — Просто не тем, чем мы думаем.

Кот спускается с подставки, отряхивается и говорит по дороге:

— Классика. Если стрелять, то один раз. И в цель.

— Это цитата? — уточняет Егор.

— Это *правило*, — говорит Кот. — Не путай.

Глава 5. «Как раньше всё было интересно»,или Прощание со страной, которой уже нет

Вечером они сидят на трибуне. Солнце садится за горизонт. Поле — зелёное, просторное. Рядом — парашютные вышки, мотоциклы, ангар, тир. Всё то, что и делало этот год живым.

Алиса листает блокнот.

— Слушайте, — говорит она. — Мы прыгнули с парашютом. Поездили на мотоциклах. Постреляли из трёхлинейки. И всё это — за один день. И всё это — бесплатно. И всё это — *массово*.

— Да, — говорит Егор. — Это была идея. Не развлечение для богатых. Не спорт для избранных. А массовая подготовка. Военно-прикладные дисциплины для всех. Парашютные вышки — по всей стране. Аэроклубы — по всему Союзу. Мотоциклы, самолёты, радиостанции.

— А сейчас? — спрашивает Алиса.

Егор молчит.

— Сейчас, — говорит он, — ДОСААФ тоже есть. Тоже готовят водителей, радистов, парашютистов. Но это уже не тот масштаб. И не та страна. Она ушла.

Соня смотрит вдаль.

— В тридцать шестом было что-то, — говорит она медленно, — что мы потеряли. Не только ДОСААФ. Не только вышки. А сам этот воздух. Вот это чувство, что ты *нужен*. Что ты *готовишься*. Что это не игра, а что-то важное.

— Да, — тихо говорит Макс. — Что-то мы потеряли.

— Но приобрели, — говорит Алиса. — Много чего. Не будем усложнять.

Кот сидит рядом, на ступеньке. В его усах — бензин, в тельняшке — пыль. Он смотрит на поле, на вышки, на закат. И говорит очень спокойно:

— Знаете, что я думаю?

— Что? — спрашивает Лёха.

— Что это был *хороший* год. И мне жаль, что его нельзя потрогать ещё раз.

Все молчат.

И тут Алиса, глядя в блокнот, тихо говорит:

— А ещё было радио. Радиоспорт. Вот бы...

— Алиса, — говорит Соня.

— Что?

— Ты сейчас озвучила следующую кнопку.

Все смотрят на кнопку, которая уже появилась на краю трибуны — или была там всё время, — с надписью: «НЕ НАЖИМАТЬ. НО ЕСЛИ ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ — ТОЛЬКО ОДИН РАЗ».

Лёха смотрит на неё.

Кот говорит:

— Только попробуй.

И Лёха — впервые за всё время — убирает руку.

— Ладно, — говорит он. — Один раз — но не сегодня.

Алиса вздыхает.

— Тогда в следующий раз — радио.

— Тогда, — говорит Макс, — я начну просчитывать заранее. С завтрашнего утра.

— Не надо, — говорит Соня. — Ты всё равно не успеешь.

— Успею, — говорит Макс.

— Не успеешь.

— Тогда хотя бы попробую.

Солнце садится. На западе догорает красная полоса. И наши герои — пятеро студентов, всем по девятнадцать, — сидят на трибуне и молчат, глядя на страну, которой уже нет, но которая всё ещё с ними.

Кот встаёт.

Потягивается.

И г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.